

в школе еще учился Владимир Спиваков, уехавший потом в Москву.

Тогда школа была при Консерватории, а сейчас формально считается ее частью, но тем не менее контакты с Консерваторией и в то время были очень тесными. В Консерваторию на первый курс я поступил к Павлу Алексеевичу Серебрякову. Однако мое соприкосновение с ней началось гораздо раньше: мой педагог, воспитанница Голубовской, приводила меня в Консерваторию, чтобы я играл свою программу самой Надежде Иосифовне. Это было в классе № 5 имени А. Н. Есиповой: там давались открытые уроки, на которые всегда приходило много людей.

Д. В. Что бы Вы пожелали нынешним ученикам школы?

Л. З. Не хотелось бы ограничиваться тривиальным пожеланием. Сейчас все направлено на то, чтобы добиться практического результата. И нам в юном возрасте было свойственно честолюбие, и между нами была жесткая конкуренция. Среди ярких и талантливых людей каждый что-нибудь из себя представлял. Но амбиции

основывались на восторге от музыки, исполнительства, впечатлений, вынесенных из концертных залов Ленинграда. Например, мне посчастливилось услышать живого Артура Рубинштейна, Артуро Бенедетти Микеланджели, Эмиля Гилельса; разумеется, Святослава Рихтера и Владимира Горовица, выступления Мстислава Ростроповича со Святославом Рихтером и Бенджамином Бриттеном. Приезжали Иегуди Менухин, Исаак Стерн, Анни Фишер. Легендарные имена. После таких концертов всегда было некое восторженное чувство и желание хоть немного к этому приблизиться. Сейчас концертов намного больше, но имен, равных названным, в таком количестве и разнообразии не вспоминается. При этом я нисколько не умаляю достоинств современных музыкантов: например, яркие впечатления остались от выступлений Рудольфа Бухбиндера (со всеми сонатами Бетховена) и Люка Дебарга в Концертном зале Мариинского театра. Поэтому я бы пожелал любить искусство, а не себя в искусстве, любить музыку, а не думать о карьере.

Беседовала Д. А. Варуль

Vladimir GUREVICH I believe in the immortality of our profession

Владимир ГУРЕВИЧ Верю, что дело наше будет жить вечно

Первое впечатление о школе, учителя

Первое воспоминание о школе — приемный экзамен. Конец мая 1954 года. Играл я что-то из этюдов Черни — Гермера, Менуэт Джона Блоу и еще что-то клемментьевское. Еще пел и повторял на рояле данные мне нотки. К тому времени меня изрядно «натаскали» мама и М. Л. Авербук, но все равно было непросто, так как по возрасту мне не хватало трех месяцев до семи лет.

Memories of V. A. Gurevich, the musicologist and pianist (Professor, Holder of an Advanced Doctorate in Arts), who was a student of Secondary Special Music School during the period from 1954 to 1965.

Keywords: V. A. Gurevich, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory, memories, educators, graduates, V. G. Shipulin, M. L. Averbukh, M. I. Mekler, N. F. Rutkevich, A. V. Baraboshkina, S. Ya. Volfenzon.

Воспоминания музыковеда и пианиста, доктора искусствоведения, профессора Владимира Абрамовича Гуревича, учившегося в школе-десятилетке Ленинградской консерватории в 1954–1965 годах.

Ключевые слова: В. А. Гуревич, школа-десятилетка Ленинградской консерватории, воспоминания, преподаватели, выпускники, В. Г. Шипулин, М. Л. Авербук, М. И. Меклер, Н. Ф. Руткевич, А. В. Барабошкина, С. Я. Вольфензон.

Однако Владимир Германович Шипулин (тогдашний директор) как-то извернулся, и меня приняли. А самым младшим в классе я так и оставался до конца школы и в выпуске 1965 года был младшим из 68 выпускников.

Главные учителя. Разумеется, по специальности — вначале Мария Львовна Авербук (до ее ухода на пенсию в 1959 году), потом Мария Иосифовна Меклер. В младших классах — наша воспитательница Нина Феликсовна Руткевич.

Верю, что дело наше будет жить вечно

Никогда не забуду Антонину Васильевну Барабошкину. С какой теплотой она к нам — малышам — относилась, с каким терпением пестовала. Я, в отличие от подавляющего большинства моих одноклассников, — не «абсолютник» и хорошо помню, как тяжело мне было вначале с сольфеджио. Но с Антониной Васильевной ничего было не страшно. В старших классах, когда основной специальностью стала у меня теория, самым сильным педагогом являлся, конечно, Сергей Яковлевич Вольфензон. Гармонию он вел просто виртуозно. И увлек меня ею, что называется, «по гроб жизни». Заканчивал я фактически не задачами, а сочинением сонатной формы в аккордовом складе с элементами полифонии. Честно говоря, Николай Георгиевич Привано, в классе которого я учился в Консерватории, никаких особых заданий мне не давал, ибо считал, что после Вольфензона у меня и так все в порядке. Что говорить, я и сегодня веду гармонию так, как меня выучил Сергей Яковлевич. Конечно, тогда в десятилетке был уникальный педагогический коллектив — так что почти о каждом из учителей можно рассказывать и вспоминать с грустью и душевным теплом.

О школьных друзьях

Мне не надо их вспоминать! Они были и остаются моими друзьями и сегодня! Весь наш 11-й «В». Увы, ушли из жизни Наташа Родникова, Боря Кузнецов, Оскар Биккенин, Коля Суханов. А остальные — вот они, рядом! И Гарик (Тайманов), и оба Миши — Беня (Гантварг) и Моня (Безверхний). И Леня (Зайчик), и Витя (Аллахвердов, он стал выдающимся психологом, профессором Петербургского университета, но всегда был рядом с нами), и Вова (Штейнгард), и Саша (Крейман), и наши первые красавицы Дина (Ройнберг) и Софа (Ялышева), и Лена (Тургель) и Галя (Сенина), и Наташа (Баранова), и Люда (Плешкова), и Света (Кузьмина), и Нина (Сухова). Все, все, все! Разумеется, с кем-то общаешься ближе, встречаешься чаще. Кто-то далече, в иных пенатах, кто-то в Петербурге. Однако связь наша школьная работает и нынче почти безотказно. И встречаемся мы классом регулярно.

О шалостях

Шалостей было много. Резвились мы, как положено нормальным детишкам. Как говорили тогда, «особо одуренным», перефразируя слова «особо одаренные», некогда стоявшие в названии нашей школы. Ну, например, подкладывали карбид в бачок для питья, что при открытии крана приводило к эффекту приличного взрыва внутри сего бачка. Или, чтобы сорвать урок, закладывали пачку креветок за теплую батарею. Соответствующий запах через недолгое время ожидания был обеспечен. Тут, конечно, прибежала завуч — незабываемая Елизавета Мартыновна Саркисян, и начиналось разбирательство. В анналы школьного фольклора

Теоретики — выпускники 1965 года.
Нижний ряд, слева направо: Мария Гончукова, Рашель Арнольдовна Козлова (преподаватель музыкальной литературы), Ирина Чижик. Верхний ряд, слева направо: Владимир Гуревич, Оскар Биккенин, Владимир Штейнгард

вошла фраза, некогда обращенная ею к тихому Лёне Зайчику (кстати, неповинному в таких проделках): «Зайчик-мальчик, чтоб я завтра мать твою в школе видела!»

Самые яркие профессиональные впечатления школьных лет

Их много, все-таки годы 1950–1960-е уникальны по собранию учившихся тогда выдающихся талантов. Из свершений одноклассников помню, как Лёня Зайчик сыграл в одном концерте все этюды Шопена. Это было нечто! Помню наши классные концерты у Марии Иосифовны —

Толю Угорского, играющего пьесы Слонимского и сонаты Бетховена.

Концерты нашего 9–10–11-го «В» были в смешанном жанре. Каждый играл на своем инструменте, в ансамбле, да еще и аккомпанировал. Я горжусь тем, что аккомпанировал Софе Ялышевой и одним из первых (а может, и вообще первым) предсказал ей — прекрасной пианистке — будущую блистательную вокальную карьеру, в течение которой нам еще десятки раз предстояло выступить вместе.

В общем, есть, что вспомнить в этот юбилейный год. Есть чем гордиться. И верить в то, что дело наше будет жить вечно.

Natalya USHAKOVA

**“The vocation and music
has been our priority...”**

Наталья УШАКОВА

**«Профессия и музыка стояли
для всех на первом месте...»**

The article presents the school memories of the Secondary Special Music School piano teacher N. F. Ushakova.

Keywords: N. F. Ushakova, Secondary Special Music School of the Leningrad Conservatory.

Воспоминания о годах обучения в школе-десятилетке Натальи Федоровны Ушаковой, в настоящее время — преподавателя школы по классу специального фортепиано.

Ключевые слова: Н. Ф. Ушакова, школа-десятилетка Ленинградской консерватории.

Несколько поколений нашей семьи связаны со школой-десятилеткой. Мой дедушка, умерший в блокаду, учился в классах при Придворной капелле. Поскольку нашу школу образовали только в 1936 году в результате слияния оркестровых классов при Капелле и группы для особо одаренных детей при Ленинградской консерватории, моя мама начинала учиться в школе Капеллы — в то время там были классы и для девочек, и для мальчиков, — а заканчивала уже в первом выпуске десятилетки. Здесь училась и моя старшая сестра, в одном классе с виолончелистом Григорием Жислиным, с пианистом Виталием Берзоном. Я поступила в школу в 1956 году и училась в одном классе с моим будущим мужем, Сергеем Юрьевичем Дзевановским, затем школу окончила и наша дочь Анна Сергеевна.

Мне очень повезло, потому что тогда школа была совсем молодая, и педагоги, которые пришли в нее работать после войны, тоже были молодые. Некоторые, как Мария Иосифовна Меклер, сами являлись выпускниками школы и потом вливались в педагогический коллектив, но по большей части все начинали здесь работать как ассистенты своих профессоров по Консерва-

тории, например, С. И. Савшинского, Н. И. Голубовской, В. В. Нильсена, М. Я. Хальфина. Фортепиано в школе преподавали такие замечательные педагоги, как Елена Самойловна Гугель (потом и ее дочь Наталия Иосифовна Броверман), Эсфирь Израилевна Штейнбок, Валентина Яковлевна Кунде, начинавшая как концертмейстер, Марина Вениаминовна Вольф, тоже только приступившая в то время к педагогической работе, Ася Ефимовна Рубина, которая окончила школу в 1948 году и начинала работать как ассистент Надежды Иосифовны Голубовской. Это была дружная высокопрофессиональная команда. Конечно, всегда имелись некоторые творческие разночтения, и обсуждения на экзаменах и концертах оказывались подчас бурными, но в этом и есть прелесть музыки: если бы все играли одинаково, это было бы скучно.

На экзамены часто приходили педагоги из Консерватории, особенно в старших классах. В итоге они знали всех нас в лицо, и когда мы шли поступать в Консерваторию, то уходило чувство волнения, потому что вот приходишь играть вступительные экзамены, а тебе говорят: «А, помним, ты тут струну порвал!» — и напряжение уходит, становится свободно. Вообще, эти годы воспомина-